

В.Г. ЛЕДЯЕВ

СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ: ИССЛЕДОВАНИЕ ФЛОЙДА ХАНТЕРА

В каждой области социального знания есть имена, символизирующие либо начало практического изучения какого-то важного общественного феномена, либо новые направления и перспективы. В числе знаковых имен в эмпирической социологии власти первым традиционно называется Флойд Хантер, получивший известность после публикации книги «Структура власти в обществе» [1]. До него исследования носили эпизодический характер и не привели к созданию методологии и техники анализа властных отношений.¹ Кроме того, Хантер (вместе с Р. Миллсом) бросил вызов многим устоявшимся представлениям о власти в США. Его книга существенно повысила интерес к теме, фактически открыв полемику по поводу распределения власти в городских общностях², достигшую пика в 60-е годы и продолжающуюся (хотя и с использованием иных концептуальных и теоретических моделей) до настоящего времени. Ориентированная на анализ конкретных форм и образцов политического поведения книга Хантера символизировала начало бихевиоральной революции в изучении власти, ознаменовавшей поворот от исследования формально-правовых и институционально-организационных аспектов функционирования политической системы к описанию и объяснению политического влияния различных социальных групп и выявлению соответствующих эмпирических закономерностей³.

Ледяев Валерий Георгиевич — доктор философских наук, профессор кафедры политологии и права Ивановского государственного энергетического университета. Адрес: 153018 Иваново, ул. Шувандиной, 101-5. **Телефон:** (0932) 415958; **Факс:** (0932) 385701. **Электронная почта:** vgl@dsn.ru
Работа поддержана Российским гуманитарным научным фондом (грант № 01-03-00063).

¹ Первыми эмпирическими исследованиями, в которых предпринята попытка охарактеризовать распределение власти в городской общности, были исследования Роберта и Хелен Линд, проведенные в г. Мунси (штат Индиана) в 1920 — 1930-х годах [2, 3]. Власть рассматривалась ими наряду с другими важнейшими аспектами общественной жизни города. Было обнаружено, что политика в городе контролируется элитой бизнеса, в которой, в свою очередь, доминирует одна семья («семья Х»). Линды не предложили какой-то специальной методологии, а основывались в своих выводах на собственных наблюдениях, интервью, материалах прессы и статистике. До Хантера отдельные аспекты власти изучались также У. Уорнером. [4] и А. Холлинсхедом [5]. Подробный анализ «ранних» исследований власти в городских общностях сделан Н. Полсби [6, р. 14-44].

² Известную в англоязычной литературе как «community power debates».

³ Э. Берч квалифицирует данные изменения как переход от изучения одних форм политической власти (государственное принуждение и политический ав-

В отличие от многих академических исследователей, Хантер пришел к изучению власти скорее в силу практических обстоятельств, чем в результате теоретических изысканий. Работая в 1940-х годах в Ассоциации организаций обслуживания (United Service organizations, USO), он занимался созданием комитетов по сбору и использованию денежных средств в различных городских общностях. В каждой из них он должен был быстро найти тех, кто успешно выполнил бы эту работу. Фактически он вынужден был всякий раз проводить небольшое исследование для определения наиболее влиятельных людей в общности, обладающих возможностями решать важные социальные и политические проблемы.

Проанализировав соответствующую литературу, Хантер понял, что власть в различных социальных общностях еще не стала предметом самостоятельного изучения, а методы исследования еще не отработаны. Пожалуй, главной заслугой Хантера является разработка метода, позволяющего выделить правящую элиту в различных видах социальных общностей. Он получил широкое распространение и стал едва ли не самым популярным способом определения основных субъектов власти.

Исследование Хантера включало несколько этапов, причем каждый последующий «проверял» результаты предыдущего. На первом этапе он подготовил 4 списка, в которые вошли 175 «лидеров» городской общности. Списки составлялись на основании формальных позиций, которые эти люди занимали в политике, бизнесе, в гражданских и общественных организациях; учитывалась и их «репутация» в глазах тех, кто участвовал в подготовке данных списков (руководители соответствующих политических, экономических, гражданских и общественных организаций). Городской совет представил список лидеров городской общности, Коммерческая Палата — финансовых лидеров и лидеров бизнеса, Лига избирателей-женщин — местных политических лидеров, имевших статус руководителей основных государственных комитетов, редакторы газет и другие гражданские лидеры — общественных лидеров и наиболее богатых граждан [1, p. 269].

На втором этапе 14 экспертов, которые представляли различные социальные группы, назвали 10 наиболее влиятельных людей в Атланте из каждого списка (в порядке убывания), и количество лидеров сократилось до 40. Таким образом, определение группы наиболее влиятельных лиц в городе опиралось на их репутацию в глазах экспертов, и потому метод получил название «репутационный». Надо сказать, что Хантер не изобрёл этот метод, а лишь первым использовал в исследовании власти. Ранее он применялся только для изучения социального статуса отдельных групп [4, 5].

Далее эти 40 человек были обстоятельно проинтервьюированы самим Хантером (особенно 27, обладавших самой высокой репутацией). В ходе интервью фактически проверялся сделанный экспертами выбор лидеров, а также собиралась информация, позволяющая осуществлять их дальнейшее ранжирование в соответствии с влиянием в общности, выявлять формальные

торитет) к другим (политическое влияние и политическая манипуляция) [7, p. 161-176].

и неформальные связи между ними, участие каждого в инициации и «проталкивании» важных для городской общности политических решений. Ключевым являлся вопрос: «Если бы был проект, требующий решения группы лидеров (чье лидерство принимается практически всеми членами общности), то каких 10 человек из 40 Вы бы выбрали?»

Аналогичную технику Хантер позднее применил и для выявления состава правящей элиты США. Он начал с выделения 1093 национальных ассоциаций, из которых эксперты отобрали 106 наиболее влиятельных. Далее в определенной последовательности опрашивались лидеры этих ассоциаций, окружные секретари всех крупных городов и названные ими репутационные лидеры. Кроме того, были проведены углубленные исследования процесса формирования политики в двух южных штатах, несколько исследований власти в городских общностях, исследование развития городского строительства и т. д. [8]. Аналогичные схемы позднее использовались У. Д'Антонио, Д. Клелландом, И. Луманом, Д. Миллером, Дж. Уолтоном, А. Фанелли, Р. Шульце и др. как на уровне городской общности, так и на национальном уровне. В России к репутационному методу прибегают в основном при составлении списков наиболее влиятельных российских политиков. В изучении власти в отдельных городских и территориальных общностях он пока еще не нашел широкого применения.

Концептуальные и методологические основания предложенного метода соответствовали базовым представлениям Хантера о власти как социальном феномене и позволяли ответить на вопросы, сформулированные им в качестве целей исследовательского проекта. Под властью Хантер понимает «действия, изменяющие деятельность людей по отношению к себе или к органическим и неорганическим вещам» [1, р. 2-3]. Власть является относительно постоянным и сравнительно стабильным фактором социальных отношений, который обуславливает выбор конкретных направлений политики, выступающих в качестве переменных [1, р. 6]. Как подчеркивает Хантер, власть заключена в людях — отдельных индивидах и группах, их взаимоотношениях между собой⁴. Поэтому для объяснения структуры и характера власти прежде всего необходимо выявить таких людей. С этого Хантер и начинает свое исследование власти в Атланте при помощи репутационной техники. Следующим шагом стало определение их групповой и институциональной принадлежности. Его интересовали профессии, занимаемые должности, физическое окружение, членство в различных клубах и организациях, неформальные связи. Далее им изучался механизм рекрутирования лидеров, их роли и функции, а также нормы, регулирующие поведение. Такой исследовательский дизайн, как считает Хантер, позволяет рассмотреть основные структурные элементы, характеризующие власть в социальной общности [1, р. 60].

⁴ Относительно субстрата властных отношений позиция Хантера несколько отличается от концепции Миллса, который фактически приписывал власть определенным позициям. Однако Хантер также понимает значимость структурного момента, подчеркивая, что индивиды могут эффективно реализовывать свой властный потенциал только в том случае, если властные отношения структурированы в институциональные и групповые паттерны [1, р. 6].

Начиная исследование, Хантер сразу же открыто обозначает свою позицию относительно характера и распределения власти в американских городских общностях и обществе в целом. Уже на первой странице книги он утверждает, что существующая политическая система в США не соответствует общепринятому пониманию демократии, что между лидерами и массами нарушена коммуникация и важные социальные проблемы решаются в интересах меньшинства. Чтобы изменить ситуацию, необходимо знать, кто на самом деле обладает властью и каковы взаимоотношения между этими людьми [1, р. 1]. Ими, в соответствии с теорией стратификации, должны быть прежде всего представители крупного бизнеса. Поскольку власть рассматривается как относительно стабильное социальное отношение, ее принадлежность определяется важнейшими стратификационными факторами — богатством, социальным статусом и престижем [1, р. 6], которыми элита бизнеса обладает в большей степени, чем другие страты и потому имеет особые возможности реализовать свои интересы под видом общественных⁵. В этом контексте исследование в Атланте можно рассматривать как попытку подтвердить основные положения стратификационной теории.

Критики Хантера упрекали его за это, посчитав, что такая постановка делает исследование аргументированным к определенным выводам. Правильным, по их мнению, было бы отказаться от каких бы то ни было изначальных утверждений о распределении власти в обществе [6, р. 112-113]. Представляется, однако, что предположения Хантера вполне можно рассматривать в качестве рабочих гипотез.

Подход Хантера существенно контрастировал с традиционными политическими исследованиями в США, сфокусированными на чисто политико-государственной проблематике и конкретных процессах непосредственного политического управления, а не на власти как таковой. Концентрируя внимание на формальной структуре политического руководства и управления, политологи обычно ограничивались видимыми легальными механизмами власти, игнорируя или недооценивая влияние акторов, действующих вне непосредственного пространства государственной политики. Тем самым не учитывались скрытые и наиболее тонкие манифестации власти, что существенно искажало общую картину ее распределения. В этом смысле исследование Хантера углубляло традиционные подходы к изучению власти, способствуя формированию новых представлений о политическом процессе.

На формирование потребности изучать политическую власть в более широком ракурсе повлиял ряд факторов. Развитие теории систем побудило рассматривать политическую систему как сложный организм, в котором политическое управление выступает лишь в качестве одного из элементов; явление бихевиорализма и изучение политического поведения усилило вни-

⁵ Господство бизнеса обнаружено и во всех «дохантеровских» эмпирических исследованиях: бизнесмены доминировали в решении важнейших социально-политических проблем, фактически используя в своих интересах тех, кто занимал должности в политических офисах. Последние хотя и обладали относительной самостоятельностью, вынуждены были в принятии политических решений приспосабливаться к более властным партнерам.

мание к исследованию власти за пределами формальных политических институтов; растущий интерес к проблемам политики в социологии, которая, в отличие от политической науки, была более ориентирована на изучение общества во всех его взаимосвязях и не ограничивалась какой-то одной сферой.

По мнению Хантера (и многих других эмпириков), городская общность является не только наиболее подходящим местом для изучения распределения власти среди людей, но и её «первостепенным центром» [1, р. 2]. С его точки зрения, структуры власти в городской общности и в общности в целом имеют схожие паттерны, что позволяет экстраполировать многие суждения и выводы на социальный уровень.

Несколько позднее известный исследователь Т. Кларк отметил, что городские общности стали для социальной науки приблизительно тем же, чем были фруктовые мушки для биологии: их достаточно много, они сравнительно доступны, они менее сложны, чем общества и им часто льстит, что их исследуют [9, р. 4]. Хантер по сути не объяснил, почему он выбрал именно Атланту⁶; более того, он вообще не упоминает название города, используя термин «региональный город». Это было характерно как для всех предыдущих исследований власти в городских общностях, так и для многих последующих. Исследователи предпочитали оперировать абстрактными названиями, подчеркивая тем самым свои претензии на общезначимость выводов.

Непосредственные результаты исследования интересны во многих аспектах и не потеряли актуальности по сей день. Главный вывод Хантера состоит в том, что все основные политические проблемы в Атланте решаются небольшой группой людей, в которой доминируют представители крупного бизнеса. Такая структура власти получила название «элитистской» в противоположность «плюралистическому» объяснению, преобладавшему в американской политической науке того времени.

За Хантером поэтому закрепилось прозвище «элитиста», указывающее на его приверженность определенному способу объяснения структуры власти в США. На самом деле «элитистами» назывались В. Парето, Г. Моска и их последователи, для которых, в отличие от Хантера и Миллса, элитизм был не только констатацией существующей реальности, но и нормой.

Наиболее интересными в содержательном плане, особенно с точки зрения перспективы исследования и оценок структуры власти в современном российском обществе, являются определение Хантером *эмпирических индикаторов наличия властвующей элиты* и их практическое использование. Этот вопрос оказался в центре дебатов между «плюралистами» и «элитистами», развернувшихся после публикаций книг Хантера и Миллса.

Почему определенных с помощью репутационной техники политических лидеров Атланты можно считать *единой специфической группой*, а не

⁶ В контексте власти и политики Атланта стала, пожалуй, самым «изученным» местом в США. Кроме Хантера, который дважды исследовал структуру власти в этом городе (второй раз — в 70-е годы [10]), в Атланте работали К. Дженнингс [11], А. Рид [12], К. Стоун [13] и др. Выделяется фундаментальное исследование Стоуна, опиравшееся на новую когнитивную схему («теория городских режимов») и ставшее, как и хантеровское, вехой в развитии социологии власти.

простым конгломератом индивидов?⁷ Хантер пишет, что, хотя в структуре власти имеют место субгруппы, ее единство обуславливают «общие интересы, взаимные обязательства, деньги, привычки, делегированные полномочия и в некоторых случаях принуждение и сила» [1, р. 113]. Свидетельством единства является прежде всего зафиксированная им *тенденция членов элитной группы выбирать друг друга* в качестве наиболее влиятельных лидеров городской общности. Когда он попросил каждого из 40 лидеров назвать 10 наиболее влиятельных, то обнаружил, что у 27 человек мнения оказались очень близкими [1, р. 62-63]. В целом предложенный список оказался «практически исчерпывающим», поскольку лидеры добавили к нему всего 64 новых имени, из которых 37 были упомянуты лишь один раз, а более трёх голосов получили только шесть новых имен [1, р. 64]. Эти 27 топ-лидеров склонны выбирать наиболее влиятельных в основном из своего круга и значительно в меньшей степени из тех, кто занимает более низкое место в репутационной иерархии.

Показатели взаимного выбора используются Хантером в качестве одного из критериев различия между «высшей группой лидеров» (upper-limits group), «нижней группой лидеров» (lower-limits group) и «профессионалами среднего звена» (under-structure professionals), которое необходимо ему для характеристики структуры власти в Атланте. По Хантеру, властный потенциал, возможности и выполняемые функции этих групп существенно различаются, и только высшую группу можно считать элитой, участвующей в решении всех основных вопросов политической жизни общности. Взаимный выбор является свидетельством не только наличия лидерской элиты (если бы между лидерами не было определенного единства мнений, то это подразумевало бы и отсутствие элитной лидерской группы как таковой [14, р. 675]), но и косвенным показателем взаимосвязи между ее членами: люди, как минимум, знают друг о друге и в определенном смысле воздают друг другу должное.

Различия между группами лидеров по степени интеграции проявляются в том, что топ-лидеры чаще всего выбирают в качестве лидеров людей, располагающихся очень близко к ним на репутационной шкале. При выборе они в среднем «поднимаются вверх» на 5.4 места и «опускаются вниз» на 4.9 места. В отличие от них, лидеры второго уровня выбирают практически только тех, кто находится выше их на репутационной шкале (в среднем на 13.3 мест) [1, р. 74].

Другим показателем взаимосвязи членов элитной группы является *частота контактов лидеров между собой*. Подчеркивая значимость данного фактора, Хантер ссылается на Дж. Хоманса, который высказал гипотезу о том, что чем ближе социальный статус людей, тем больше они взаимодействуют друг с другом [15, р. 184]. В хантеровском исследовании эта гипотеза

⁷ Этот момент является ключевым в дебатах. Плюралисты не оспаривают вполне очевидный факт, что в любой социальной общности есть люди, оказывающие существенно большее влияние на политические решения, чем основная масса населения. Сомнению подвергается лишь утверждение, что эти люди представляют собой *единую* группу и что она доминирует во *всех основных* аспектах политической жизни.

подтверждается. Обнаруживается четкая зависимость числа контактов от места в репутационной иерархии: топ-лидеры были хорошо знакомы в среднем с 34 лидерами (из 40 указанных в списке), лидеры второго уровня — с 29, «профессионалы» — только с 7 [1, р. 73]. При этом наибольшее число контактов между топ-лидерами возникает при решении вопросов первостепенной значимости, тогда как «профессионалы» обычно контактируют друг с другом в процессе решения вопросов второго плана [1, р. 226]. Кроме того, топ-лидеры гораздо чаще остальных групп работали вместе с другими репутационными лидерами в различных комитетах — в среднем с 27 из 40, тогда как лидеры второго уровня — с 21, а «профессионалы» — с 10. Последние значительно чаще вступали в контакт с теми, кто непосредственно стоял над ними (лидеры второго уровня), и с представителями своей группы [1, р. 72-73].

Таким образом, становится понятно, почему, анализируя практику принятия решений по некоторым важным вопросам жизни города⁸, Хантер обнаружил, что главную роль всегда играет относительно замкнутая группа людей (топ-лидеры), тогда как исполнители политической воли элиты («профессионалы») меняются в зависимости от того, какая именно проблема находится в процессе решения. Опрошенные Хантером репутационные лидеры были практически единодушны в том, что для «запуска» проекта необходимо относительно небольшое количество топ-лидеров. После этого могут понадобиться сравнительно много людей для его осуществления — от 10 до 100 человек. Иными словами, функционально необходима небольшая группа для принятия политического решения, а «осуществителей политики» могут быть сотни. Такова, по мнению Хантера, реальная структура власти в региональном городе. Он пишет, что если бы у него были данные по всем, кто участвовал в каком-то важном решении, то тогда весь задействованный персонал представлял бы пирамиду власти, в которой сохранялась бы сравнительно стабильная вершина, а основание менялось в зависимости от того, что нужно сделать. При этом топ-лидеры взаимодействуют только с высшим слоем «профессионалов». Таким образом, указанные тенденции подчеркивают различное положение, занимаемое в структуре власти теми, кто делает политику, и теми, кто ее лишь реализует.

Важным фактором группового единства лидеров городской общности являются общие моменты в их физическом окружении. «Физические характеристики, окружающие людей власти» (офисы, предприятия, организации, дома, клубы и другие места пребывания), участвуют в формировании опре-

⁸ Наряду с репутационной техникой, Хантер использовал и элементы проблемного метода, что не всегда замечается критиками. В частности, он рассмотрел вопрос о том, какие проблемы являются самыми важными для жизни городской общности, и достаточно подробно охарактеризовал позицию различных групп по отношению к плану развития города как наиболее значимой политической проблеме. Кроме того, Хантер постоянно использует термин «решенческий лидер» (decisional leader), подразумевая тем самым, что именно процесс принятия решений является важнейшей сферой проявления лидерства. Однако анализ участия различных групп в подготовке и принятии решений не стал центральным звеном его исследования, в отличие, например, от Р. Даля [16].

деленных стереотипов и форм поведения и потому являются обязательным аспектом исследования городской структуры власти [1, p. 10, 24].

Исследование показало, что лидеры проживают только в «самых лучших» районах города (большие частные дома, отсутствие индустриальных объектов, больших транспортных магистралей и т.п.), тогда как «профессионалы» среднего звена — в «хороших». Встречи представителей политического класса в региональном городе обычно проводятся в отелях, в нескольких гражданских центрах, в частных клубах или общественных местах. При этом наиболее важные — на которых решаются ключевые политические вопросы — чаще всего бывают в частных клубах или частных резиденциях. У лидеров наиболее популярны встречи в элитарных клубах, недоступных для основной массы населения, а «профессионалы» и члены общественных организаций обычно проводят собрания в менее претенциозных и сравнительно недорогих местах. Лидеров в Атланте нередко называли «компанией клуба Грэндвью», поскольку в этом элитарном спортивном клубе часто закладывались основания политических решений, оказывающих существенное влияние на жизнь города [1, p. 16]. Подавляющее большинство топ-лидеров имели членство в одном или нескольких наиболее престижных элитарных клубах, в которых не было ни одного «профессионала» [1, p. 86-87].

Эти и другие различия между физическим окружением лидеров и остальных групп населения приводят Хантера к заключению, что местопребывание лидеров «имеет тенденцию изолировать их от масс», а это, по его мнению, «изолирует их и от многих проблем, с которыми сталкиваются рядовые граждане». Курсируя между домом, работой и клубами, они практически не сталкиваются с нищетой (в этом отношении маршруты «профессионалов» среднего звена значительно отличаются). Конечно, пишет Хантер, многие подобные проблемы ими обсуждаются, но тем не менее тенденция к изоляции существует [1, p. 21-22].

Важную роль в поддержании единства правящей элиты играет и их профессионально-статусное основание: *большинство топ-лидеров в региональном городе являются бизнесменами*. Данный фактор коррелирует с частотой контактов между лидерами, поскольку представители крупного бизнеса связаны деловыми отношениями, и в экономической структуре городской общности естественно возникает система перекрещивающегося членства экономических лидеров в руководящих органах различных промышленных и финансовых компаний. Кроме того, это влияет на формирование ценностей и ориентаций. Хантер указывает на характерные для лидеров опасения, что люди могут узнать, кто на самом деле правит в городе. Они обычно против каких-то серьезных реформ, особенно касающихся изменения баланса власти; им свойственна и общая боязнь возникновения открытого недовольства со стороны больших групп населения существующим распределением общественных благ и американским образом жизни [1, p. 229-233].

Почему именно бизнес доминирует в решении политических проблем? Этот один из центральных в хантеровском исследовании вопрос представляется весьма актуальным в контексте современной политической ситуации в России — и с точки зрения его эмпирической проверки, и в плане выявления

перспектив развития отечественной политической системы. Вопрос интересен еще и тем, что не все исследования подтвердили выводы Хантера, убежденного в том, что бизнес господствует в любом американском городе. Например, по данным исследования Д. Миллера, бизнес не доминирует в Великобритании в силу того, что он не имеет в этой стране столь высокого престижа и статуса, как в США [17].

Для Хантера господство бизнеса в политической жизни Атланты бесспорно уже хотя бы потому, что именно бизнесмены оказались более всего представлены в конечном списке из 40 человек и особенно среди 27 топ-лидеров, хотя эксперты выбирали репутационных лидеров из четырех разных списков, в которых фигурировали представители четырех различных секторов городской общности. Хантер утверждает, что неформальная структура (группа инсайдеров, в которой доминируют бизнесмены) фактически стоит над формальной. Зависимость всех основных социальных институтов от бизнеса является главным фактором, предопределяющим его господство в политической жизни города. Отношения зависимости распространяются и на государство, и на общественные ассоциации, претендующие на репрезентацию интересов различных групп населения. Сами по себе местные государственные структуры не имеют достаточного авторитета и экономических ресурсов, чтобы реализовать необходимые муниципальные программы без поддержки бизнеса⁹.

Кроме того, бизнесмены как социальная группа обладают наибольшими потенциальными ресурсами власти — материальными, людскими и др., что, как подчеркивает Хантер, отличает лидеров от профессионалов-исполнителей и любых других групп. Именно бизнесу легче представить свои интересы как интересы общественные. Развитие индустрии, коммерции, строительство объектов, создание новых рабочих мест, кредиты, субсидии и т.п. — все это связано с реализацией важнейших человеческих потребностей, и, естественно, ассоциируются с бизнесом. Элементом системы влияния бизнеса выступают СМИ, которые также ориентированы на выгоду, зависят от рекламы и материальной поддержки.

Наконец, лидеры бизнеса, руководящие большими коллективами людей и имеющие соответствующий социальный статус, обретают «вкус к власти»; им нравится обладать ею — и в своей экономической структуре, и в решении важнейших общественных проблем [1, p. 88]¹⁰.

⁹ Хантер, однако, не прибегает к детерминистским аргументам и не утверждает, что в Атланте преобладает определенная структура власти только потому, что она наиболее функциональна. В заключительной главе он высказывает соображения о том, каким образом можно реформировать систему власти в соответствии с демократическими идеалами.

¹⁰ Впоследствии, рассматривая причины доминирования бизнеса, Хантер акцентирует внимание на роли господствующей системы ценностей, полагая что «различные институциональные верования и системы поведения (семейные, экономические, религиозные и др.) имеют различный статус в различных обществах и в разные эпохи; экономические ценности имеют тенденцию к возвышению в современном технологическом обществе» [10, p. 16].

В силу этих причин бизнес не только занимает главенствующее положение, но постоянно воспроизводит и укрепляет свои структурные преимущества над другими группами, которые отражаются и в механизмах рекрутации элиты: именно бизнес дает наиболее гарантированный путь в высшие эшелоны власти. Сравнивая экономические институты и общественно-политические организации с точки зрения «подготовки кадров», Хантер обнаружил, что большинство руководителей общественных организаций остаются на вторых позициях властной иерархии (лишь четверо представителей данной группы оказались в списках репутационных лидеров), тогда как наиболее надежным путем во власть является членство в высших эшелонах экономической бюрократии: «лидеры организаций имеют шансы получить паблисити, а высший эшелон экономических лидеров — власть» [1, p. 86-87].

Крупнейшие бизнесмены, как правило, становятся неформальными лидерами «компаний» (групп своих людей, группировок — «crowds»), куда входят практически все репутационные лидеры городской общности. Эти «компании» образуются вокруг крупнейших экономических организаций города, которые и дают им соответствующие названия («Химическая компания», «Компания Первого Банка», «Газовая компания» и т. п.). В них возникает естественная иерархия, но ни один лидер не может самостоятельно решать вопросы без учета мнения других членов «компаний», и обычно наиболее авторитетные члены «компаний» действуют совместно [1, p. 77-80]. Здесь, как правило, и начинают формироваться важнейшие городские политические решения и проекты. Вначале идея обсуждается в узком кругу, затем к ней подключаются представители других «компаний». Большинство репутационных лидеров предпочитают начинать проекты на неформальном ланче в одном из элитарных клубов или в чьей-то резиденции. К этому времени инициаторы обычно уже имеют написанный проект и список тех, кого предполагается сделать главными исполнителями и выдвинуть в соответствующий комитет. Так, важнейший этап процесса принятия политического решения проходит скрыто от общественности. Она узнает о важнейших проектах уже после того, как основные аспекты решения обговорены, согласованы и одобрены в узком кругу и остается лишь формальная процедура.

Хотя в структуре власти имеют место «компании», это отнюдь не свидетельствует о ее плюралистическом характере. Во всех основных вопросах экономические лидеры действуют в единстве, всегда консультируясь друг с другом в решении ключевых вопросов. Хантер иллюстрирует это на примере решения вопроса по принятию Плана развития города, который фактически предусматривал расширение территории, находящейся в ведении городских властей. Репутационные лидеры считали этот вопрос наиболее важным, и именно их единство обеспечило принятие программы соответствующим комитетом и ее реализацию. При этом большинство лидеров, наиболее активных в решении данного вопроса, были бизнесменами.

Уже после того, как элита определила основные параметры проекта и тех, кто будет им непосредственно заниматься, в процесс включаются гражданские ассоциации, формальные политические институты и СМИ. Данная модель принятия решения является типичной: ключевую роль играет постоянное «ядро лидеров», а вариации имеют место относительно ассоциаций и

структур, подключающихся к реализации проекта. На завершающей стадии исполнения проекта лидеры фактически уходят со сцены, оставляя возможность распоряжаться руководителям второго эшелона и «профессионалам».

Хантер отмечает, что лидеры экономят свое время и свою энергию для выполнения своей основной роли — формирования (определения) политики. Другой причиной ухода со сцены является стремление защитить себя от слишком больших требований снизу, переводя их на «профессионалов». Наконец, какую-то роль в этом по-видимому, играет и американский идеал равенства [1, p. 229].

Таким образом, государственные решения в Атланте фактически принимаются под контролем бизнеса и являются отголоском власти экономической. Государственные структуры хорошо понимают, кому на самом деле принадлежит власть в городе, и поэтому воздерживаются от каких-либо действий без консультаций с бизнесом. (Кстати, единственным портретом, висевшим в кабинете мэра Атланты, был портрет крупнейшего бизнесмена в городе (Ч. Хомер), оказавшегося по хантеровскому исследованию в числе топ-лидеров [1, p. 81]). Мэр Атланты и его ближайшее окружение всегда спрашивали совета у бизнесменов перед осуществлением проектов, касающихся всей городской общности. При этом сами они обычно не занимали лидирующих позиций в инициации проектов, а скорее следовали за ключевыми лидерами. Несмотря на тенденцию к более активному включению бизнеса в местную политическую жизнь, его власть продолжает оставаться в основном скрытой, невидимой для основной массы населения. То, что бизнес не очень активен в деятельности различных формальных гражданских и политических структур, было обнаружено многими исследователями, в том числе, например, и Р. Далем, впоследствии — главным оппонентом Хантера. Однако в отличие от Даля, который на основании этого пришел к заключению об отсутствии власти бизнеса в тех или иных вопросах политической жизни общности [16], Хантер утверждал, что участие бизнеса в большей степени имеет место на предварительных стадиях принятия решений и осуществляется через неформальное влияние. Хантер, и в этом его заслуга, акцентировал внимание на частных формах политической власти и влияния, составляющих, как оказалось, важнейшую сферу реальной политики.

Частным формам власти Хантер посвятил целую главу, в которой описал многие невидимые для основной массы граждан механизмы политического влияния. Непосредственным источником являются прежде всего личные связи [1, p. 172], которые обычно не афишируются¹¹, и материальные ресурсы, делающие лидеров желательными участниками политических коалиций и дающие им возможность осуществлять скрытое принуждение путем угрозы отказать в предоставлении кредитов для городских программ, сократить рабочие места, ограничить финансовую поддержку тех или иных обще-

¹¹ Многие влиятельные фигуры избегают публичности, оставляя ее для профессионалов. Только по некоторым конкретным проектам они упоминаются в прессе как спонсоры или инициаторы. Вообще в прессу, отмечает Хантер, часто не попадают именно самые важные аспекты политической жизни города [1, p. 181].

ственных организаций и т. п. В определенных ситуациях используются сила и принуждение в отношении тех, чье поведение идет вразрез с интересами или ценностями власти имущих. Структура власти, подчеркивает Хантер, обладает средствами принуждения, и большинство профессионалов-управленцев хорошо осознает их силу. И при необходимости могут быть использованы все необходимые средства для достижения результата.

Это не значит, разумеется, что люди из высшего эшелона власти непосредственно участвуют в каких-то насильственных действиях; однако в большинстве случаев, касающихся публичной политики, требовались их санкции. Хантер приводит несколько достаточно ярких примеров, показывающих, как власть имущие наказывали тех, кто пытался сопротивляться. По отношению к ним применялись и угрозы увольнения, и всевозможные расследования их деятельности, и «остракизм», и соответствующая обработка общественного мнения. Но непосредственное давление использовалось сравнительно редко; обычно было достаточно сделать соответствующие намек. Элита более ориентируется не на подавление оппозиции, а на превентивные меры, и мало кто отваживается бросить открытый вызов господству бизнеса.

Свои оценки структуры власти в Атланте Хантер посчитал адекватными и спустя двадцать лет, хотя за это время они подверглись интенсивной критике и появилось много альтернативных объяснений. В своем втором исследовании он обнаружил фактически ту же самую структуру власти: доминирование бизнеса, прежде всего банковских интересов; решения по основным проектам принимали одни и те же лица; лидеры руководят наиболее крупными организациями, связанными со строительством и развитием города, их ядро имеет пересекающееся (около 40%) членство; государственные структуры действуют в интересах экономических институтов, ценности которых главенствуют в формальных и неформальных центрах власти [10].

Как уже отмечалось, Хантер не считал структуру власти в Атланте оптимальной. Политическое господство бизнес-элиты, формально никем не избираемой и никому не подотчетной, ограничивает возможности других групп реализовать свою волю. Монолитная пирамида власти может блокировать попытки инициировать важные для городской общности решения и воздерживаться от их выдвижения [1, р. 233]¹². Поэтому, хотя в концентрации власти всегда есть определенный резон, ее структура настолько узкая, что многие вопросы политики вообще не рассматриваются — либо в связи с отсутствием у лидеров достаточного времени, либо по другим причинам. Опасаясь за свою власть, лидеры стремятся сохранить статус-кво, систему, которая обеспечивает их господство. В результате интересы многих категорий населения — рабочих, негритянского населения и др. — обычно при выработке политики не рассматриваются, если решения проблем могут изменить существующую систему. Таким образом, Хантер не только указывает на не-

¹² Здесь Хантер близко подошел к идее «непринятия решений», ставшей известной после публикации в 1960-е годы статей П. Бэкрэка и М. Бэрэтца [18, 19].

соответствие политической практики в Атланте демократическому идеалу, но и апеллирует к функциональным аргументам.

Ключевым моментом Хантер считает выбор лидеров: лидерство должно быть делегированным и осуществляться избранными. В Атланте этого нет; лидеры в большинстве случаев выбирают себя сами и даже «профессионалы» практически не участвуют в этом, не говоря уже о нижних слоях социальной пирамиды. Поэтому он выступает за существенное расширение спектра участвующих в выборах лидеров. По его мнению, структура власти должна быть более открытой для различных групп, что позволит большему числу людей участвовать в решении городских проблем. Здесь он ссылается на Дж. Дьюи [20, р. 58], который рассматривает участие в качестве важнейшего аспекта демократии, необходимого и для повышения благосостояния людей, и для развития их личности.

Расширение участия граждан в политической жизни города Хантер связывает с созданием эффективных организационных структур, позволяющих включаться в обсуждение городских проблем, или с повышением эффективности уже существующих. «Хорошо организованные группы, — пишет он, — будут иметь голос в решении проблем общности, и этот голос позволит индивиду чувствовать себя в большей безопасности, даже если его собственный голос и не будет услышан... Если гражданин регионального города заинтересован в политических решениях, единственной возможностью попасть в состав властной группы — это стать членом сильной организации. Другой дороги к участию во власти нет» [1, р. 257].

Спустя 20 лет Хантер не только подтвердил этот тезис, но и подчеркнул необходимость по крайней мере двух кардинальных изменений в социальной системе общества, без которых любые попытки ее механического изменения приведут лишь к увековечиванию пирамиды власти. Во-первых, реальные изменения возможны только в случае признания первичности ценностей людей и вторичности ценностей властной структуры. Это ценности, связанные с продолжением рода, обеспечением физических условий жизни (пища, одежда, жилье и т. д.), с умением жить в обществе, приданием значимости человеческой жизни, помощью тем, кто в ней нуждается, формированием чувства сбалансированности и перспективы личной жизни. Только в том случае, если эти ценности во всем их многообразии будут реализовываться, у людей возникнет возможность участвовать в поддержании социального порядка [10, р. 164]. Во-вторых, Хантер отмечает необходимость изменения системы распределения капитала, связывая вопрос о власти с вопросом о собственности. В качестве средства (но не панацеи) он называет развитие кооперативного движения [10, р. 165-176]. И наконец, Хантер справедливо считает, что для изменения структуры власти надо прежде всего знать ее. Почти одновременно с ним эту мысль высказал Р. Миллс [21, р. 25].

Результаты исследования и выводы, сделанные Хантером, обозначили явную угрозу некоторым традиционным постулатам политической науки и общепринятому объяснению власти в американском обществе. Не удивительно поэтому, что политологи в целом негативно отреагировали на исследование социолога. Их ответ был частично обусловлен профессиональным соперничеством, частично — идеологическими несогласиями и частично —

научной критикой. Но главное, политологи были уязвлены тем, что Хантер поставил под сомнение ценность их теорий, явно намекнув, что они фактически изучали вторичный уровень структуры власти, упуская из виду главное. Тем самым бросался открытый вызов групповым (плюралистическим) теориям демократии. По Хантеру получалось, что политический плюрализм в лучшем случае имел место на уровне среднего звена пирамиды власти. Он фактически отрицал влияние различных групп (кроме бизнеса) на тех, кто обладает официальной властью, отвергая, таким образом, ключевой пункт групповой теории. Элита в Атланте обращала мало внимания на интересы потенциальных и актуальных групп, сама решала все важные вопросы, оставляя «избранникам народа» заниматься второстепенными проблемами и реализацией исходящих от нее директив.

Однако критиковать Хантера и опровергать его выводы было непросто. Как отмечает Д. Риччи, он был в то время единственным, кто обладал данными эмпирического исследования в Атланте и конкретными фактами. Поэтому оппоненты не могли критиковать содержательные моменты и вынуждены были ограничиться в основном методологическими аспектами [22, р. 97]. В методологии Хантера они усматривали три основных изъяна. Острой критике подверглись прежде всего репутационный метод и сама идея определения субъектов власти исходя из их репутации, поскольку репутация, по их мнению, не всегда отражает реальность. Изучение политических явлений на основе субъективных оценок неизбежно усиливает влияние персональных предпочтений и установок. В случае с репутационным методом на результатах исследования отражаются не только ценности самого исследователя, но и предпочтения респондентов. При этом выбор панели экспертов уже сам по себе рефлектирует изначальное мнение исследователя о том, где находится власть.

Кроме того, качество результатов, полученных с помощью данного метода, будет зависеть от того, что респонденты понимают под властью, и по каким параметрам они ее оценивают. При этом их позиции должны быть максимально синхронны и не расходиться с позицией исследователя, иначе совокупные количественные показатели власти тех или иных персон окажутся изначально неадекватными. С точки зрения многих исследователей, это практически недостижимо. Трудности усугубляются тем, что сама хантеровская формулировка базового «репутационного» вопроса допускает различные толкования. В результате этого респонденты нередко путают статус и власть, которые не всегда однозначно коррелируют между собой: обладающие высоким социальным статусом могут быть политически пассивны. В то же время репутационный метод неизбежно «пропускает» тех, кто не обладает высокой репутацией, но активно влияет на принятие решений.

Уязвимым моментом репутационной техники критики назвали и отсутствие возможности четко очертить сферу власти тех или иных политических лидеров. Люди бывают одинаково влиятельными, но в разных сферах. Некоторые очень влиятельны, но только в отношении ограниченного набора проблем. В этом смысле проблемный метод имеет безусловное преимущество, поскольку позволяет сравнивать возможности разных людей в одной сфере, а также сопоставлять сферы их власти.

Наконец, метод подвергся критике за то, что он изначально предполагает наличие властвующей элиты. Если респондентов спрашивают о том, кто входит в правящую элиту, то подразумевается, что она существует. Иными словами, элитистское видение политической системы задается концептуально, а не определяется эмпирическим путем. Кроме того, априорное определение количества лидеров уже несет в себе скрытое утверждение о распределении власти¹³.

Второй существенный недостаток хантеровской методологии критики определили как так называемую ошибку бесконечного регресса. У Хантера это ошибка возникает тогда, когда он утверждает, что собственно политическая страта лишь реализует волю небольшой группы людей, действующих за сценой и являющихся «настоящими» субъектами власти. Данное объяснение подразумевает (и в этом его недостаток), что наиболее значимая власть всегда находится *за пределами нашего непосредственного восприятия* в руках немногих; она осуществляется неформально и скрытно, поэтому исследователи не могут зафиксировать ее непосредственные проявления и эффекты. Но в таком случае элитизм невозможно опровергнуть, поскольку всегда можно предположить, что доказательства существования элиты лежат за пределами фактов: «Если не видно, что лидеры общности составляют правящую элиту, тогда теорию можно спасти путем утверждения, что за ними находятся скрытые лидеры, которые составляют элиту. Если впоследствии выяснится, что и эта скрытая группа не является правящей элитой, то и тогда теорию можно спасти, утверждая, что за первой скрытой группой есть еще одна, и т. д.» [25, р. 463]. Такой подход Р. Даль посчитал совершенно неприемлемым, категорично заявив, что если теория не допускает эмпирического опровержения, то ее нельзя считать научной теорией [25, р. 463].

Наконец, Хантера обвинили в неадекватной интерпретации полученных им данных. В частности, критики посчитали, что Хантер не смог доказать наличие единства между лидерскими группировками и проигнорировал возможность их самостоятельных интересов и конфликтов между собой. Как отмечает Д. Риччи, «группировка, связанная с недвижимостью может противодействовать предложениям другой группировки, заинтересованной в построении скоростной автострады. В Атланте группировки не были связанными; возможно, их члены не обладали всеохватывающей властью и были влиятельны только в ограниченных сферах. Но если разные лидеры обладают властью в разных сферах и могут не сотрудничать с другими лидерами, то из этого следует, что в Атланте нет *элиты*, а есть люди, обладающие властью в разных сферах» [22, р. 100]. Данную ситуацию, в которой имеет место соревнование между лидерами и власть фактически разделена между отдельными группировками, вполне можно, по мнению Риччи, подвести под шумпетеровское определение демократии [22, р. 100].

¹³ Обстоятельная критика репутационного метода дана Х. Кауфманом и В. Джонсом [23], Р. Далем [24, 25], Н. Полсби [6], Р. Вольфинджером [26, 27], М. Эйкеном и П. Моттом [28].

С точки зрения соперничества между плюралистической и элитистской парадигмами это обвинение очень серьезное. Если между лидерами нет единства по важным аспектам политики, то в таком случае политическая структура представляет собой скорее временные и меняющиеся коалиции и фракции, чем постоянное разделение на высший и низший классы. В такой системе вопросы решаются в процессе столкновения противоборствующих сил, каждая из которых получает поддержку со стороны нескольких лидеров, группы управленцев среднего уровня и части граждан. Фактически Хантеру указывают на то, что он не только использовал сомнительную методологию, но и не смог отрицать наличия группового (плюралистического) элемента в политике.

Эту и другую критику разделяют отнюдь не все исследователи, и нам она также представляется не бесспорной. Хантера критиковали за то, что он не увязывал рассмотрение структуры власти с вопросом о влиянии общественного мнения (может быть, элита в своих решениях просто следовала общественному мнению, а не навязывала свою волю?), пренебрег ролью партий, не всегда четко определял понятия (в том числе и фактически введенное им понятие «структура власти в общности») и конкретные эмпирические параметры, верифицирующие те или иные гипотезы. В предисловии к книге 1980 г. Хантер объяснил свое нежелание отвечать отдельным критикам тем, что считает академические аргументы «бесплодными, убеждающими очень немногих» (за это его, в свою очередь, обвинили в отчуждении от научной общественности и неуважении к ней [29, р. 287]).

Репутационный метод получил широкое распространение среди исследователей и в ряде аспектов был существенно модернизирован, что позволило снять некоторые из обвинений. Кроме того, необходимость преодоления (или, по крайней мере, минимизации) указанных недостатков и проблем побудила многих исследователей использовать репутационный метод лишь в качестве интродукции, первого этапа в изучении структуры политической власти в городской общности, комбинируя его с другими методами. Впоследствии, особенно после исследований Р. Престуса [30], и Р. Эггера, Д. Голдриха и Б. Свенсона [31], идея о целесообразности строить исследование на *сочетании* методов фактически стала общепринятой. Что касается Хантера, то он, как отмечалось, уже использовал в своем исследовании элементы комбинированного анализа.

Обвинение в том, что подход Хантера является «ненаучным», также не вполне правомерно. Даль, Полсби и др. исходили из типично позитивистской парадигмы и поэтому, естественно, негативно относились к «субъективизму» и «интуитивизму» хантеровского подхода. Бесспорно и то, что Хантер попытался показать наличие определенного единства между лидерами, понимая важность этого момента. Другое дело, что не все аспекты проблемы ему удалось рассмотреть с одинаковой степенью полноты. А главное, он акцентировал внимание на объективных предпосылках единства элиты (физическое окружение, ценности, социальное происхождение и др.) и в меньшей степени касался рассмотрения конкретных решений, что критики считали ключевым пунктом доказательства.

Отмечая трудности и недостатки хантеровского исследования, следует указать и на слабости, присущие эмпирическим исследованиям власти в городских общностях 50-х годов. Хантер, Даль и другие «ранние» исследователи практически не учитывали влияния внешних для городских общностей факторов, прежде всего региональных и федеральной структур власти, ограничиваясь анализом действий политических акторов, проживавших в городе. Второй недостаток состоял в том, что исследования проводились в отдельных городских общностях, что затрудняло и снижало надежность генерализаций и экстраполяции выводов на социетальный уровень. Наконец, не были проработаны многие концептуальные (понятийные) аспекты исследования [9, 32, 33].

Все это, однако, ничуть не снижает заслуг ученого. Многие его идеи и сегодня остаются в центре научного дискурса, а исследовательские методы по-прежнему широко используются. Особенно следует отметить тот факт, что в современной социологии власти доминируют когнитивные конструкции, имеющие несомненное идейное родство с хантеровской концепцией. В частности, начиная со второй половины 80-х годов наибольшую популярность получили теории «машин роста» (Х. Молотч, Дж. Логан) и «городских режимов» (С. Элкин, К. Стоун). Общим для обеих являются признание бизнеса, прежде всего финансового, в качестве главного актора городской политики и обоснование единства элиты на основе общего для ее групп приоритета в развитии городского хозяйства и эффективного (с точки зрения прибыли) использования земли. Вокруг этих интересов образуются достаточно широкие по своему социальному составу «коалиции роста», доминирующие в городской политике. Господство бизнеса имеет в значительной степени структурный характер; оно предопределяется особой ролью экономики в реализации социальных и политических проектов и программ, что стимулирует заинтересованность политиков и управленцев во взаимодействии с бизнесом и учете его интересов. К. Стоун, один из основоположников «теории режимов», прямо указывает, что он развивает многие идеи Хантера [34].

Ясно, что протестировать основные гипотезы Хантера в российских условиях и попытаться применить репутационный метод для определения структуры власти в российском «региональном городе» — задача весьма непростая для отечественного исследователя-эмпирика, привыкшего сталкиваться не только с чисто научными трудностями. Однако определенные успехи, достигнутые за последние годы в изучении региональных элит, и рост интереса к социологии власти позволяют рассчитывать на востребованность мирового опыта и идей, прошедших проверку временем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hunter F.* Community Power Structure. A Study of Decision-makers. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953.
2. *Lynd R.S., Lynd H.M.* Middletown. New York: Harcourt, Brace, and World, 1929.
3. *Lynd R.S., Lynd H.M.* Middletown in Transition. New York: Harcourt, Brace, and World, 1937.
4. *Warner W.L., Lunt P.S.* The Social Life of a Modern Community (Yankee City Series, 1). New Haven: Yale University Press, 1941.

5. *Hollingshead A.B.* Elmtown's Youth, the Impact of Social Classes on Adolescents. New York: John Wiley, 1949.
6. *Polsby N.* Community Power and Political Theory. New Haven: Yale University Press, 1980.
7. *Birch A.H.* The Concepts and Theories of Modern Democracy. London: Routledge, 2001.
8. *Hunter F.* Top Leadership, USA. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1959.
9. *Clark T.* Introduction // Community Structure and Decision-making: Comparative Analysis / Ed. by T. N. Clark. San Francisco: Chandler Publishing Company, 1968. P. 3-11.
10. *Hunter F.* Community Power Succession: Atlanta's Policy-Makers Revisited. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980.
11. *Jennings K.* Community Influentials. The Elites of Atlanta. London: The Free Press of Glencoe, 1964.
12. *Reed A.* A critique of neo-progressivism in theorizing about local development policy: a case from Atlanta // The Politics of Urban Development / Ed. by Clarence N. Stone and Heywood Sanders. Lawrence: University Press of Kansas, 1987. P. 199-215.
13. *Stone C.* Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988. Lawrence: University Press of Kansas, 1989.
14. *Bonjean C.* Community leadership: a case study and conceptual refinement // American Journal of Sociology. 1963. Vol. 18. No. 6. P. 672-681.
15. *Homans G.* The Human Group. New York: Harcourt, Brace and Company, 1950.
16. *Dahl R.* Who Governs? Democracy and Power in American City. New Haven: Yale University Press, 1961.
17. *Miller D.* International Community Power Structures. Comparative Studies of Four World Cities. Bloomington and London: Indiana University Press, 1970.
18. *Bachrach P., Baratz M.* Two faces of power // American Political Science Review. 1962. Vol. 56. No. 4. P. 947-952.
19. *Bachrach P., Baratz M.* Decisions and nondecisions: an analytical framework // American Political Science Review. 1963. Vol. 57. No. 3. P. 641-651.
20. *Dewey J.* Problems of Man. New York Philosophical Library, 1946.
21. *Mills C.W.* The Power Elite. With a New Afterword by Alan Wolfe. New York: Oxford University Press, 2000.
22. *Ricci D.* Community Power and Democratic Theory: The Logic of Political Analysis. New York: Random House, 1971.
23. *Kaufman H., Jones V.* The mystery of power // The Structure of Community Power / Ed. by Michael Aiken and Paul E. Mott. New York: Random House, 1970. P. 233-241.
24. *Dahl R.* Hierarchy, democracy, and bargaining in politics and economics // Political Behavior: A Reader in Theory and Research / Ed. by Heinz Eulau, Samuel J. Eldersveld, and Morris Janowitz. Glencoe: Free Press, 1956. P. 83-90.
25. *Dahl R.* A Critique of the ruling elite model // American Political Science Review. 1958. Vol. 52. No. 2. P. 463-469.
26. *Wolfinger R.* Reputation and reality in the study of «community power» // The Search for Community Power /Ed. by Willis D. Hawley and Frederick M. Wirt. Englewood Cliffs (NJ): Prentice Hall, 1974. P. 218-229.
27. *Wolfinger R.* A plea for a decent burial // American Sociological Review. 1962. Vol. 27. No. 6. P. 841-847.
28. *Aiken M., Mott P.* Introduction // The Structure of Community Power / Ed. by Michael Aiken and Paul E. Mott. New York: Random House, 1970. P. 193-202.
29. *Walton J.* Reflection of a populist // Contemporary Sociology. 1982. Vol. 11. No. 6. P. 286-288.

30. *Presthus R.* Men at the Top. A Study in Community Power. New York: Oxford University Press, 1964.
31. *Agger R., Goldrich D., Swanson B.* The Rulers and the Ruled. New York: John Wiley and Sons, Inc., 1964.
32. *Harding A.* Elite theory and growth machine // Theories of Urban Politics / Ed. by David Judge, Gerry Stoker and Harold Wolman. London: Sage Publications, 1995. P. 35-53.
33. *Harding A.* Is there a 'new community power' and why should we need one? // International Journal of Urban and Regional Research. 1996. Vol. 20. No. 4. P. 637-652.
34. *Stone C.* Preemptive power: Floyd Hunter's «Community Power Structure» reconsidered // American Journal of Political Science. 1988. Vol. 32. No. 1. 82-104.